

А. Форрест
Университет Йорка
(Великобритания)

МЕЖДУ ВОЙНОЙ И МИРОМ: НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ СУДЬБА ПЛЕННЫХ НАПОЛЕОНОВСКИХ СОЛДАТ¹

От Пиренейского полуострова до России, в колониях и на море, тысячи французских солдат попадали в плен во время Наполеоновских войн. Какая участь ожидала их в плену? Тогда еще не существовало юридически обязательных для всех международных конвенций, подобных тем, которые начнут появляться в конце XIX в. Условия любой капитуляции часто оставались на усмотрение действующих генералов, хотя те знали, что в их же интересах проявить некоторое милосердие к пленным, поскольку от принятых ими решений может зависеть судьба их собственных людей. Тем не менее, условия сдачи в плен сильно разнились. Лишь немногие счастливики могли надеяться стать предметом обмена военнопленными. Офицеры могли рассчитывать на условно-досрочное освобождение для пребывания в определенных для них городах, откуда обещали не сбегать. Нижним чинам везло гораздо меньше: они обычно содержались в тюрьмах, в специальных лагерях или на старых кораблях. Особое внимание в статье уделено тем условиям, в которых пребывали в Великобритании французские военнопленные во время войны.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, историческая антропология, военнопленные

Цитирование: Форрест А. Между войной и миром: непредсказуемая судьба пленных наполеоновских солдат. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-222-247> // Французский ежегодник 2023. Т. 56. М.: ИВИ РАН, 2023. С. 222-247.

Поступила в редакцию: 04.02.2023

Принята к печати: 29.04.2023

¹ Данная статья – уточнённая и слегка расширенная версия эссе, написанного на французском языке в 2023 г. для *Liber amicorum* Бруно Колсона (юридический факультет Намюрского университета).

Alan Forrest
University of York, UK

**BETWEEN WAR AND PEACE:
THE UNCERTAIN FATE
OF NAPOLEONIC PRISONERS OF WAR**

From Iberia to Russia, in the colonies and at sea, thousands of French soldiers were taken prisoner during the Napoleonic Wars. What fate awaited them in captivity? There were no legally enforceable international conventions of the sort that began to appear in the later nineteenth century. The terms of any surrender were often left to the generals in the field, though they knew that it was in their interest to show some mercy since the fate of their own men might depend on their decisions. Nonetheless, the terms imposed varied hugely. A lucky few might hope to be the subject of prisoner exchanges. Officers could expect to be paroled in approved towns where they were on their honour not to escape. Other ranks were less fortunate, and were usually held in prisons, in secure camps, or offshore on hulks. The article gives particular attention to the conditions in which French prisoners were held in Britain during the war years.

Keywords: Napoleonic wars, historical anthropology, prisoners of war

Citation: Forrest, A. (2023). *Mezhdju vojnoj i mirom: nepredskazuemaja sud'ba plennyh napoleonovskih soldat* [Between war and peace: the uncertain fate of Napoleonic prisoners of war]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2023-1-56-222-247>. *Annual of French Studies* 2023, vol. 56, p. 222-247.

Захват пленных – столь же старинный аспект войны, как и сама война, и с самых древних времён он создавал проблемы и ставил дилеммы. Что делать армии с вражескими солдатами, захваченными в бою или сдавшимися после поражения? В те времена не существовало международно-признанных норм, не было правил, которые военачальник мог бы прочитать и выполнения которых он мог бы потребовать. Попытки введения правил войны – сравнительно недавнее изобретение, они связаны с тем, что Джеффри Бест верно назвал «консенсусом позднего Просвещения», который сформировался в XVIII в. и достиг наиболее полного вопло-

щения в Женевской конвенции 1949 г. и протоколах к ней². Лишь в XIX столетии, после масштабной резни в битве при Сольферино, удалось договориться о правах раненых и военнопленных. Первая Женевская конвенция, подписанная двенадцатью европейскими государствами в 1864 г., возложила на командующих войсками в ходе военных действий обязательства, значительно превышавшие всё, что до тех пор брало на себя какое-либо государство: «Раненых и больных бойцов следует собирать и лечить, к какой бы нации они ни принадлежали. Главнокомандующие могут немедленно передавать на неприятельские аванпосты вражеских военнослужащих, раненых во время сражения, если обстоятельства это позволят и при условии обоюдного согласия сторон. Те, кто по выздоровлении будет признан неспособным к военной службе, будут отпущены на родину. Остальные тоже могут быть отпущены, но с условием не братья за оружие в течение войны»³.

Изменения происходили постепенно, чему причиной было отсутствие какого-либо международного права по данному вопросу, а также настойчивое требование неукоснительного соблюдения национального суверенитета в любых обстоятельствах. В последующие годы еще лишь шесть других стран присоединилось к Конвенции, а вопрос о том, как наполнить смыслом международные правовые обязательства, продолжал занимать юристов по всему миру. В преамбуле к более поздней попытке создания законов о правах военнопленных – Гаагским конвенциям 1899 и 1907 гг. – было предложено исходить из трёх главных источников международного права – «установившихся между цивилизованными народами обычаев, законов человечности и требований общественного сознания»⁴. Гаагские конференции, впервые созданные по инициативе русского царя Николая II, стремились регламентировать методы ведения войны и попытались навязать воюющим сторонам арбитраж. В частности, делегаты согласились запретить убийство вражеских солдат после того, как они сдались в плен, хотя после начала мировой войны в 1914 г. подобными материями стали ин-

² Best G. *Humanity in warfare: the modern history of the international law of armed conflicts*. L., 1980. P. 31.

³ The 1864 Geneva convention (facsimile). URL: <https://www.icrc.org/en/doc/resources/documents/treaty/geneva-convention-1864.htm> (дата обращения: 30.04.2023); Roberts A. *Foundation myths in the Laws of War: The 1863 Lieber Code and the 1864 Geneva Convention* // *Melbourne Journal of International Law*. 2019. N 20:1. P. 158-196.

⁴ Best G. *Nuremberg and After: the continuing history of war crimes and crimes against humanity: The Stenton Lecture*, 1983. Reading, 1984. P. 14.

тересоваться куда меньше, а от планов провести в Гааге третью встречу, намеченную на 1915 г., отказались⁵. Но сама идея наказаний за военные преступления была принята, и созданные после Второй мировой войны международные военные трибуналы в Нюрнберге и Токио судили виновных в «преступлениях против человечности». Однако после крушения нацистской Германии, в ситуации политического давления, существовавшего в послевоенном мире, убийство неприятельских военнопленных так и не оказалось в главном фокусе внимания юристов, а аналогичные злоупотребления со стороны союзных войск вообще не удостоились рассмотрения в суде. А ведь были случаи, когда «желание отыграться на пленных оказывалось непреодолимым»⁶. Суд над военными побеждённых держав Оси мог восприниматься в этих странах как несправедливое судилище, осуществлявшееся победителями.

Жестокое обращение с военнопленными имеет долгую и бесславную историю. В древней Греции и древнем Риме военачальники без особых колебаний убивали своих пленников, и на протяжении всего Средневековья убийство пленных было вполне обычным делом, особенно если считалось, что они могут вернуться в строй и снова сражаться против армии-победительницы. Обычные солдаты рисковали подвергнуться пытке, быть изувеченными, а офицеры, часто аристократы с крепкими семейными связями, оставались в плену в ожидании обмена или выкупа. Выкуп действительно стал важным источником дохода для победоносных армий, и, хотя эта практика сделалась менее популярной после окончания Тридцатилетней войны, окончательно сошла на нет она только в XVIII в.⁷ В государственных законах не было ничего, что защищало бы военнопленных от мести победителя, и не проводилось никаких различий между комбатантами и нонкомбатантами, солдатами и гражданскими, захваченными в плен в военное время. Грабёж считался законным правом победоносной армии, а «убийство неприятельских пленных, насилие и грабёж городов, захваченных после осады, были в глазах победителей не только печальными инцидентами, но и дополнительными выгодами сол-

⁵ Более подробно о Гаагских конвенциях см.: *International law concerning the conduct of hostilities: Collection of Hague conventions and some other treaties*. Geneva, 1989.

⁶ *Mackenzie S. P. The Treatment of Prisoners of War in World War II // Journal of Modern History*. 1994. N 66:3. P. 491.

⁷ *Brown G. D. Prisoner of war parole: ancient concept, modern utility // Military Law Review*. 1998. N 156. P. 201-202.

датской жизни»⁸. Как отмечает Майкл Прествич, в средневековом мире «война была дикой, а рыцарские кодексы мало смягчали её воздействие»⁹. Попавшие в плен к неприятелю были среди тех, кто ощущал это особенно остро.

В полной мере эта «дикость» особенно хорошо видна в контексте осад городов, центральных событий войн в Средние века и Раннее новое время. Осады могли продолжаться долгие месяцы, а то и годы, и приводить к значительным потерям среди осаждающей армии. Когда осада заканчивалась, судьба защитников зависела от каприза полководца-победителя и от того, как именно произошло падение города. Если город сразу же сдавался или его оборона приводила к незначительным потерям в армии, можно было рассчитывать на снисходительность; но, если защитники города сопротивлялись и наносили тяжелые потери осаждавшей армии, то это могло привести к массовой резне как защитников, так и городского населения. Разумеется, защитники города могли попытаться достичь соглашения о капитуляции и просили победителя проявить благородство, честь и христианскую добродетель. Но военачальник вовсе не был обязан проявлять милосердие, а благополучие военнопленных не входило в число главных забот командующих армиями Раннего нового времени. Вплоть до середины XVII в. все армии были склонны использовать услуги наёмных солдат, и даже те, кто сражался за свою страну, делали это, как правило, ради материальных выгод. Наёмные отряды, как отмечает Джон Линн, не внушали любви местному населению. Они были склонны «сеять разорение всего лишь с целью наполнить свои желудки и кошельки», и их было нетрудно убедить перейти на сторону врага. «Не будучи особенно преданы тому делу, за которое они сражались, наёмные солдаты, попав в плен, вполне могли вступить в армию, взявшую их в плен, потому что это было самой разумной стратегией выживания»¹⁰.

Однако с середины XVII в. в языке, на котором обсуждалась взятие в плен, произошло почти неуловимое изменение: теперь, по крайней мере в Европе, стали уделять большее внимание отдельному военнопленному и проявлять некоторое уважение к челове-

⁸ *Levie H. S. Terrorism in War: The Law of War Crimes.* Dobbs Ferry, N.-Y., 1993. P. 9-10.

⁹ *Prestwich M. Armies and Warfare in the Middle Ages. The English Experience.* New Haven, 1996. P. 11.

¹⁰ *Lynn J. A. Honourable surrender in early modern European history, 1500-1789 // How Fighting Ends. A History of Surrender / Ed. by H. Afflerbach, H. Strachan.* Oxford, 2012. P. 102.

ческой жизни. Появились новые правила этикета: теперь войны заканчивались церемониальным обменом дарами между предводителями враждебных армий, за которым иногда следовал обмен пленными¹¹. Статус военнопленного – солдата, который уже не являлся, или временно не являлся активным комбатантом, стал упоминаться в работах юристов, в особенности в трактате Гуго Гроция о праве войны и мира (1625), а затем в труде Эмера де Ваттеля о естественном праве и праве народов (1758), а также в многочисленных определениях «справедливой войны», выдвинутых в Европе в годы Старого порядка. Соответственно, в эпоху Людовика XIV, а также во время так называемых кабинетных войн XVIII в., практика сдачи в плен и правила ведения осад были упорядочены. Это, впрочем, не означает, что те, кто сдавался и добровольно становился военнопленными, всегда могли рассчитывать на великодушное обращение, или на последовательность в этом обращении. Добиться того, чтобы войска в пылу битвы или после тяжёлой и мучительной осады соблюдали предписания Гроция, никогда не было лёгкой задачей, и эти правила часто отменялись или игнорировались. Многие зависело от хода военных действий и от положения, в котором находилась победоносная армия. Военнопленных могли обменивать, удерживать в плену, переманивать в свою армию. Как бы то ни было, обмен военнопленными зависел от военных соображений, и, если неприятельская армия страдала от нехватки людей и их возвращение могло привести к получению ею преимущества, то в обмене почти всегда отказывали. Но, по крайней мере, у военачальников были моральные принципы, которым они должны были следовать, а законы войны, признававшиеся, по крайней мере, в Европе, повсеместно, как правило соблюдались. Убийства военнопленных стали не такими частыми, и те, кто сдавался в плен, теперь могли с большим, нежели раньше, основанием лелеять надежду выжить¹².

Тем не менее, захват пленных создавал огромные трудности для одержавшей победу армии, и никакое повышение уровня человечности и сдержанности не могло устранить эти трудности. На протяжении всей истории военнопленные серьёзно усложняли логистику и создавали дополнительную угрозу безопасности;

¹¹ *Anderson M. War and Society in Europe of the Old Regime, 1618-1789. Leicester, 1988. P. 135.*

¹² *Childs J. Surrender and the Laws of War in Western Europe, c. 1660-1783 // How Fighting Ends. P. 166-168.*

вызванные ими проблемы могли осложнить движение войск, что только усугубилось, когда армии выросли в размерах и стали использовать воинский призыв. В первые дни Гражданской войны в США сложившаяся проблема была в полной мере отражена на страницах газеты *Examiner*, выходившей в Ричмонде, штат Виргиния. Автор статьи опасался, что Конфедерация падет под грузом ответственности за пленных солдат Союза. «Мало кто в полной мере осознаёт, – предупреждали в статье, – те трудности, заботы и неудобства, которые их [военнопленных] содержание под стражей возлагает на тех, кому поручено это дело»¹³. Победитель должен был кормить пленных и обеспечивать им кров, часто в условиях значительной нехватки ресурсов и трудностей с снабжением тех самых солдат, что взяли их в плен; узников нужно было охранять, следить за ними, содержать, препятствовать их побегу – на выполнение этих задач могли потребоваться сотни людей, что затрудняло продвижение армии, осуществившей захват пленных; или же их приходилось отправлять в арьергард, где их селили во временных пристанищах или переправляли куда-либо ещё. Всё это оказалось весьма недешёвым удовольствием, и когда неприятель не хотел вкладываться в своих пленных, правительства договаривались об их обмене или даже отпускали пленных на волю, чтобы не тратить драгоценные ресурсы на их содержание. Когда договорённость об обмене не заключалась, судьба военнопленных нередко была тяжёлой, ведь их воспринимали как бремя, осложняющее жизнь армии. Вместе с тем росло и признание того факта, что обращение с пленными – слишком важное дело, чтобы оставлять его на усмотрение генералов. К примеру, в ходе Войны за независимость США, в которой около 15 тыс. американцев умерло в английском плену¹⁴, Конгресс США принял решение, что британские военнопленные получают «то же обращение и те же выплаты, при всём должном уважении, как и те, что получают американские военнопленные от англичан»¹⁵. Впрочем, обоюдность не следует смешивать с гуманностью: власти прекрасно понимали, что убийство военнопленных даёт их противникам право сделать то же самое,

¹³ *Pickenpaugh R.* Captives in Blue. The Civil War Prisons of the Confederacy. Tuscaloosa, 2013. P. 15.

¹⁴ *Burrows E.* Forgotten Patriots: The Untold Story of American Prisoners During the Revolutionary War. N.-Y., 2008. P. 201.

¹⁵ *Dzurec D.* Prisoners of War and American Self-image during the American Revolution // War in History. 2013. N 20. P. 441.

а их солдаты могут оказаться деморализованы, если будут ждать, что их в плену казнят. Эти меры прежде всего объяснялись страхом ответных мер, опасением того, что убийство военнопленных повлечёт за собой аналогичные действия со стороны неприятеля.

Французская революция обострила и без того напряжённую ситуацию. После того, как в 1793 г. Франция объявила войну Великобритании, отношения между двумя странами стали быстро ухудшаться. Французы, убеждённые, что Питт ведёт «беспощадную войну» против них и всего, за что они выступают, отказались от каких-либо обменов военнопленными: в период с 1793 по 1815 г. переговоры об обмене военнопленными, которые называли картелями, несколько раз срывались. И напротив, в ходе англо-американской войны 1812 года Великобритания и США мгновенно ратифицировали картель с целью попытаться сократить число военнопленных с обеих сторон¹⁶. Французские революционеры, казалось – если судить по их риторике – были готовы к самым суровым мерам, что непосредственно угрожало безопасности британских военнопленных. В 1794 г. вышел декрет Конвента, требовавший «войны на уничтожение»: британских и ганноверских солдат следовало не брать в плен ни на суше, ни в море, а немедленно расстреливать. Эта мера нарушала давние традиции мореплавателей, однако было заявлено, что её готовы применять к экипажу любого британского судна, торгового или военного. Впрочем, нет сведений о том, что какой-либо французский капитан решил выполнить этот приказ и расстрелять экипаж захваченного судна, или о том, что какой-либо капитан королевского флота почувствовал искушение отплатить той же монетой. Возможно, есть только одно исключение: Норман Хэмпсон цитирует документ, упоминающий о подобной жестокости. Это доклад командира французского фрегата *La Boudeuse*, в котором он заявляет, что исполнил декрет буквально и приказал казнить английский экипаж. Захватив британское судно в Средиземном море, он записал в судовом журнале: «Я послал команду к ним на борт и расстрелял их в соответствии с декретом»¹⁷. Это – слова, которые, должно быть, заставили задрожать от страха каждого моряка, но они, судя по всему, уникальны. Абсолютному большинству французских капитанов претил полученный приказ, и худших эксцессов удалось избежать.

¹⁶ Cartel for the exchange of prisoners of war between Great Britain and the United States of America // Documents on Prisoners of War / Ed. by H.S. Levie // International Law Studies. 1979. Vol. 60.

¹⁷ Hampson N. The Perfidy of Albion. Basingstoke, 1998. P. 142.

Наполеоновские войны, в ходе которых сражались массовые армии, естественным образом привели к значительному росту числа военнопленных, многие из которых были захвачены в сотнях, а то и в тысячах миль от родных краёв. Армии Наполеона сражались по всей Европе и за её пределами – в России, Египте, Вест-Индии, Индийском океане – и многие его солдаты были взяты в плен европейскими и неевропейскими противниками. Обращение с ними различалось в зависимости от географических условий и наличия ресурсов, что было непредсказуемым. Кто-то из пленников сразу же погиб, некоторым выпали на долю даже унижение и пытки; другие много лет провели в лагерях для военнопленных и тюрьмах, часто в крайне тяжёлых условиях. Те, кому повезло, получали простую еду и какой-то кров, защищающий от плохой погоды, но даже это никому не было гарантировано. Картелей заключалось мало, и солдаты часто оставались в плену до конца военных действий. Разумеется, такова же была судьба и тех, кого наполеоновская армия взяла в плен и привела во Францию: многие из них не смогли вернуться домой до самого конца войны в 1814 г. В большинстве случаев это означало заключение в тюрьмах или крепостях, по большей части сосредоточенных на севере страны и вдоль бельгийской границы; кроме того, военнопленных могли разместить в сельскохозяйственных общинах, где они работали в сезон сбора урожая¹⁸. С ними не всегда обращались плохо, но условия тюремного содержания могли быть суровыми, и уровень смертности среди пленных был высок.

Более великодушным было обращение с офицерами, как и с примерно тысячей богатых туристов, совершавших Grand Tour по континенту и арестованных в 1803 г. с возобновлением войны между Францией и Великобританией. Они освобождались под честное слово и жили в Вердене и других специально отведенных для этого городах, где пользовались немалой свободой, общаясь с местными жителями и воспроизводя то, что они считали типично британским образом жизни, с такими разнообразными видами времяпровождения как вист, азартные игры, любительский театр и скачки. Они ездили на охоту, имели свои английские школы и англиканскую церковь¹⁹. Они свободно вращались в городском

¹⁸ Forrest A. Prisonniers de guerre et récits de captivité dans les guerres napoléoniennes // Arrachés et déplacés. Réfugiés politiques, prisonniers de guerre, déportés, 1789-1918 / Éd. par N. Beaupré, K. Rance. Clermont-Ferrand, 2016. P. 101.

¹⁹ Duché E. L'otium des captifs d'honneur britanniques à Verdun sous le Premier Empire, 1803-1814 // Arrachés et déplacés. P. 118.

высшем обществе, иногда создавая совместные предприятия с французами, среди которых они жили. В Вердене английские военнопленные, хотя и принадлежавшие в большинстве своём к англиканской церкви, совместно с группой монахов-бенедиктинцев создали первую городскую библиотеку, предназначенную как для французских, так и для английских читателей²⁰. Они были, разумеется, лишены только одной свободы – той, которой они особенно жаждали, – свободы уехать домой.

Приказывая, как обращаться с пленными, Наполеон не проявлял особого интереса к соображениям гуманности. Его подход был прагматичным, его главные цели – военными, а пленные для него были пешками в сложной дипломатической игре. В чём ценность пленных для него? Чем они могут ему быть полезны? Могут ли они способствовать достижению его имперских целей или помочь ему определиться с военной стратегией? В своей всеобъемлющей переписке, которая показывает, как глубоко Наполеон вникал почти во все детали своих походов, он лишь изредка упоминает военнопленных, и практически ничто не указывает на то, что он испытывал какую-либо эмоциональную ответственность за их судьбу. В крайних случаях, особенно когда он имел дело с неевропейскими пленными, он даже мог отдать приказ о массовой резне – чернокожих бойцов в Санто-Доминго или турецких солдат в Яффе – что заставило некоторых историков обвинить его в геноциде²¹. В самом деле, как отмечает Бруно Колсон, Наполеон уделял гораздо больше внимания обсуждению ценности информации, которую военнопленные могли предоставить о сильных сторонах своих армий и о тактике, которой эти армии придерживались. Военнопленных, по его словам, нужно допрашивать и использовать как источники информации и разведданных. Их показания необходимо тщательно проверять, чтобы удостовериться, что от них поступит самая ценная информация. Он объясняет: «Каждый день ваши аванпосты должны захватывать пленных на всех направлениях, откуда угрожает противник: это способ получить сведения о противнике; другого эффективного способа не существует»²². В обращении с ними нужен такт, а запугивание или угрозы не помогут, потому что испуганный человек скажет

²⁰ *Duché E.* Prisoners of war // *The Cambridge History of the Napoleonic Wars* / Ed. by A. Forrest, P. Hicks. Vol. 3: Experience, Culture and Memory. Cambridge, 2022. P. 108.

²¹ *Ribbe C.* *Le crime de Napoléon*. P., 2013.

²² *Colson B.* *Napoleon on War*. Oxford, 2015. P. 70.

что угодно, лишь бы порадовать допрашивающего, и значит, его рассказ будет бесполезен. Колсон цитирует рекомендацию относительно лучших способов получения нужной информации, который дал одному из своих офицеров Евгений Богарне. «Вы думаете, что вы как следует допросили его и извлекли максимальную выгоду? Вы ошибаетесь: искусство допрашивать военнопленных – одно из следствий военного опыта и такта. То, что он вам рассказал, показалось вам малоинтересным. Если бы его допрашивал я сам, я бы извлёк максимум сведений о неприятеле»²³. Наполеон считал, что военнопленный, если обращаться с ним подобным образом, будет уже не бременем для победоносной армии, но ценным помощником, практически шпионом в лагере победителя. Другими словами, военнопленный приобретает важную стратегическую ценность, и поэтому – возможно, только поэтому – следует его оберегать и хорошо с ним обращаться.

Очевидно, что линейного прогресса в обращении с пленными, который позволил бы увидеть в наполеоновской эпохе зарю новой эры сострадания или умеренности, не было. Войны Наполеона были массовыми – такими, в которых армии ожидаемо несут тяжелейшие потери, а отдельным солдатом можно и пренебречь. Солдаты Наполеона имели все причины опасаться, что, если они попадут в плен и станут жертвами жестокого обращения, то никто за них не заступится. Про беспощадность местного населения в некоторых местах – в России или Испании – рассказывались совершенно ужасающие истории. В России, к примеру, в ходе провальной для французов кампании 1812 года, русские взяли в плен 110 тыс. человек, не считая многих, кого захватили партизаны и кто был убит на месте²⁴. Им часто выпадали тяжёлые лишения, их дух и силы подрывали холод и голод. Западные солдаты испытывали меньше страха перед русской армией, чем перед крестьянами, которые, по слухам, грабили своих пленников и пытали их, а затем убивали²⁵. И если казаков и башкир справедливо боялись, то это было связано не только с их военными талантами и искусством верховой езды, но и с их жадной до поживы: считалось, что взяв французов в плен, они разденут их и заставят так идти

²³ Ibid. P. 71.

²⁴ Mikaberidze A. Napoleon's Lost Legions: The Grande Armée prisoners of war in Russia // *Napoleonica. La revue*. 2014. N 21:3. P. 35-44.

²⁵ Dwyer P. «It still makes me shudder»: Memories of Massacres and Atrocities during the Revolutionary and Napoleonic Wars // *War in History*. 2009. N 16:4. P. 395.

по снегу или продадут их крестьянам, даже не задумавшись об их благополучии. Сообщения французов указывают на страх перед тем, что было для них экзотическим, незнакомым, что они считали варварским, и они признавали, что бывали изумлены, столкнувшись с гуманным и великодушным обращением. Так, капитан Бретон, которого разместили на постой у «дворянина» и его жены в Литве, едва сдерживал своё удивление: «Я провёл 48 часов с этими добрыми людьми, и впервые деревенские жители не оскорбляли меня и не ходили поглазеть на меня, как на интересное животное». Когда же к капитану подошли с поцелуями дети семейства, его мысли обратились к его собственным детям, оставшимся во Франции. «У меня сами собой полились слёзы, – писал он, – и мои достойные хозяева разделили моё чувство, в высшей степени естественное в моём плачевном положении»²⁶.

Но вела ли французская армия себя лучше – в Польше, в Египте или в самой России? Особых указаний на это не найти. К тому же во время отступления из Москвы условия были такие, что лишь с большим трудом удавалось заставить пленников двигаться, что уж говорить о том, чтобы кормить их и заботиться о них. Часто легче было застрелить их, избавившись от лишнего бремени. Во время отступления, между Можайском и Гжатском, было перебито около двух тысяч русских; другие, вынужденные идти день за днём без отдыха и без еды, умирали от голода на обочине дороги²⁷. Армия Наполеона, голодная, замерзшая и деморализованная, подвергавшаяся постоянным атакам метких стрелков, утратила последние следы дисциплины и сострадания, и, если правила войны и существовали, они были быстро забыты. Захват пленных и забота об их выживании стали роскошью, которую армия уже не могла себе позволить, и пришёл момент, когда последние следы цивилизованного поведения рисковали исчезнуть.

Но и задолго до похода в Россию французские солдаты находились перед угрозой мучительной смерти от рук некоторых из своих врагов. В первую очередь это бывало в тех случаях, когда война сопровождалась карательными походами против восставших, а противником выступали не дисциплинированные армейские подразделения, а иррегулярные войска или партизаны, сви-

²⁶ Breton A.-D. H. *Lettres de ma captivité en Russie // Combats et captivité en Russie. Mémoires et lettres de soldats français.* P., 1999. P. 131

²⁷ Rouanet D. *Captivités en Russie: regards comparés // 1812 : la campagne de Russie / Ed. par M.-P. Rey, T. Lentz.* P., 2012. P. 259-61.

репые и кровожадные люди, неотличимые от банд разбойников, из которых они нередко и состояли. В Испании, в Пьемонте, в Тироле французы столкнулись с врагами, которые не принимали во внимание законы войны, и которые настолько не стеснялись своих жестокостей, что это заставляло вспомнить ужасы Вандеи 1790-х годов. Если французам выпадало несчастье попасть к ним в плен, то они боялись худшего, и, судя по сохранившимся свидетельствам, их страх был оправдан. В Андалусии, к примеру, если верить сообщениям выживших, испанцы подвергали их пыткам и крайне жестоким ритуальным оскорблениям; французов заживо закапывали в землю или топили в грязи, а деревенские женщины сексуально унижали их. Жан-Марк Лафон анализирует этот рассказ с антропологической точки зрения:

«Пытки, осуществлявшиеся женщинами, могли выражать решительное отторжение захватчика, символический аборт плодов изнасилования. Кроме того, эта кровавая и феминизированная версия традиционного шаривари, возможно, демонстрировала сплочённость местных общин, спаянных сильной эндогамией и ревниво дорожащих своим преимущественным правом на свои женские “ресурсы”»²⁸.

Для солдат, вынужденных переносить подобные мучения, это было доказательством – если кто-то ещё нуждался в подобных доказательствах – варварства и отсталости Другого, которого они уже привыкли ассоциировать с Испанией. Это напоминает, что в ситуации, когда сражения достигали беспрецедентной свирепости, ужасы, изображённые Гойей в его серии гравюр «Бедствия войны», отнюдь не исходили лишь от одной из сторон²⁹. Испанцы тоже пытали французов, наслаждались демонстративным унижением, вешали солдат за ноги, ритуально резали их тела на маленькие кусочки и подвергали их регулярным унижениям и оскорблениям. Их обращение с пленными напоминало французскими солдатами дикости Тридцатилетней войны, столь жестоко прокатившейся по Южной Германии в предыдущую эпоху³⁰.

Впрочем, не стоит преувеличивать ужасы Наполеоновских войн и масштабы пыток, выпадавших на долю военнопленных. Побе-

²⁸ Lafon J.-M. *L'Andalousie et Napoléon. Contre-insurrection, collaboration et résistances dans le midi de l'Espagne, 1808-1812*. P., 2007). P. 104.

²⁹ Aguilera-Mellado P. *The Goyesque Gaze: Image, Violence, Dignity-Potency* // *Hispanic Research Journal*. 2019. N 20:5. P. 491-514.

³⁰ Asch R. G. «Wo der soldat hinkommt, da ist alles sein»: Military violence and atrocities in the Thirty Years War re-examined // *German History*. 2000. N 18:3. P. 291-309.

дители не всегда поступали бессердечно с побеждёнными, и не всегда игнорировали правила войны. Испанские партизаны были иррегулярными войсками, которые и не сражались в соответствии с правилами регулярных армий, и их жестокость лишь отражала ожесточение и гнев, царившие в деревнях, откуда они были родом. Кампании регулярных армий по большей части носили иной характер. Сдача побеждённой армии была издавна признанным военным ритуалом, и в подавляющем большинстве случаев можно было ожидать, что вражеская сторона будет придерживаться тех же правил, что и своя собственная, и даже, во многих случаях, говорить на том же языке. Солдаты, попадавшие в плен к неприятелю, моряки и команды торговых кораблей, захваченные на море, могли надеяться на более доброе обращение, по крайней мере, когда военные обстоятельства делали его возможным. Французы и англичане, пруссаки и русские были в XVIII столетии носителями одной и той же военной культуры, и их солдаты могли сдаваться в плен, с достаточной уверенностью рассчитывая на сохранение своих жизней.

Но гарантий не было, и военнопленным всё равно нужно было некоторое везение, чтобы выжить и вернуться домой, как показывают разные судьбы французских солдат, оказавшихся в руках англичан в сражениях на Пиренейском полуострове, на море и в кампании Ватерлоо. Какой судьбы могли ждать эти пленные? Англия обладала тем преимуществом, что контролировала морские пути от Португалии до берегов Ла-Манша и благодаря этому могла на протяжении большей части войны отвозить большинство военнопленных в Англию, где они и проводили долгие годы в плену. Военные суда составляли конвои, которые перевозили военнопленных, а также больных солдат и отправившихся в отпуск офицеров, от Лиссабона до Портсмута или Чатема, после чего нередко возвращались обратно, везя войска, коней и припасы³¹. Путешествие в Англию, впрочем, таило свои опасности, и в ходе него за время войны были потеряны тысячи жизней. Суда, использовавшиеся в конвоях, часто бывали старыми, в плохом состоянии, а само путешествие оказывалось опасным из-за ветров и штормов Атлантики. Нередко корабли бывали перегружены: так, когда в январе 1814 г. в Кэррик-Родсе затонула «Куин», вёзшая раненых

³¹ Knight R. *Convoys. The British Struggle against Napoleonic Europe and America*. New Haven, 2022. P. 152

английских канониров и французских военнопленных, в море погибло 369 человек³². Но тысячи других добирались благополучно, избавив англичан от необходимости строить дорогостоящие тюрьмы для военнопленных за границей или полагаться на португальских или испанских союзников. Это было тем более ценно, что уже сама численность военнопленных создавала для Великобритании огромные логистические проблемы. Первый захват их случился в мае 1803 г., сразу после того, как прекратил своё действие Амьенский мирный договор: в английских портах были захвачены французские и голландские суда, а их команды стали военнопленными³³. После этого в ходе одной лишь Пиренейской кампании Англия захватила 120 тыс. французских военнопленных, в то время как число английских пленников во Франции не превышало 16 тыс.: это соотношение помогает понять, почему переговоры об обмене пленными оказались неудачными. Наполеон, говорили, опасался, что, если английских военнопленных вернуть в Англию, англичане немедленно откажутся выполнять условия сделки³⁴.

Разумеется, ресурсы были ограничены, а военное счастье переменчиво, и время от времени англичане не могли загрузить на корабли всех взятых ими в плен. Некоторым пришлось остаться в Испании, часто в чудовищных условиях. Прежде всего вспоминаются страдания, выпавшие на долю французских военнопленных, захваченных в Виллануэва де ла Рейна и Байлене, и помещённых на девять кораблей, пришвартованных в Кадисе и превращенных в плавучие тюрьмы: на каждый корабль втиснули по тысяче человек, страдавших от тифа и дизентерии. Тысячи французских солдат погибли, и тела их были выброшены за борт. Эти мучения длились до самого 1809 г., когда испанским властям пришлось перевести военнопленных в другие места. Однако там их могла ожидать ещё худшая судьба: некоторых бросили без провизии и питьевой воды на скалистом пустынном острове Кабрера, в 50 км к югу от Майорки. В течение пяти лет, с 1809 по 1814 г., этот пустынный остров был тюрьмой для почти 12 тыс. солдат наполеоновской армии, лишённых защиты от стихий и страдавших от па-

³² Ibid. P. 156.

³³ Macdougall I. All Men are Brethren: Prisoners-of-war in Scotland, 1803-14. Edinburgh, 2008. P. 2.

³⁴ Daly G. Napoleon's Lost Legions: French Prisoners of War in Britain, 1803-1814 // History 2004. P. 362.

лящего солнца. От 3500 до 5000 солдат умерло, в основном от голода, жажды и болезней³⁵. Многие из выживших сошли с ума, как отметил немецкий историк Ханс-Дитер Цемке, собравший информацию об умерших в больнице Санлукар с 1810 по 1812 г.³⁶ Пленники Кабреры, по словам Жак-Оливье Будона, являются «забытыми солдатами» этих войн – забытыми во всех смыслах: «Солдаты, заточённые на Кабрере, были забыты Историей, забыты испанскими властями, оставившими их гнить в нечеловеческих условиях, снабжавшими их так скудно, что этого едва хватало для выживания, забыты Францией, которая, желая лишь прославлять героические доблести наполеоновских войск, не знала, что делать с этими людьми, и, наконец, забыты последующими поколениями, не проявившими особого интереса к тому, что им пришлось перенести»³⁷. Когда в 2022 г. команда археологов спустилась в пещеру на острове, она была изумлена, обнаружив сотни свидетельств, выгравированных на стенах пещеры заключёнными на острове людьми, которые, став пещерными жителями, жили под землёй и отчаянно искали единственный доступный источник питьевой воды³⁸. В глазах тех, кому пришлось выживать на Кабрере, остров, вероятно, и в самом деле казался адом на земле.

Конечно, это было лишь меньшинство: бóльшая часть сдавшихся солдат находилась в плену в Англии, где условия содержания военнопленных весьма различались, но редко были настолько плохи. По большей части британские власти стремились держать их в надёжных тюрьмах, предназначенных только для военнопленных, но мест там почти всегда не хватало. В 1790-х гг. в Англии была построена лишь одна новая тюрьма для военнопленных – в Норман-Кроссе, близ Питерборо³⁹ – но война на Пиренейском полуострове вынудила правительство приступить к строительству новых тюрем. Однако вложенные в строительство деньги были недостаточными, чтобы обеспечить жильём огромное число пленных, прибывавших из Лиссабона, и до конца войны

³⁵ Gille P. Les Prisonniers de Cabrera. Mémoires d'un conscrit de 1808, recueillis et publiés par Philippe Gille. P., 1892.

³⁶ Espinosa P. The horrors of Cádiz's floating jails // El País, 31 July 2014.

³⁷ Boudon J.-O. Postface // Smith D. Les soldats oubliés de Napoléon, 1809-1814. Prisonniers sur l'île de Cabrera. P., 2005. P. 183-184.

³⁸ Sharrock D. Cavern reveals the inhuman fate of Napoleon's defeated troops // The Times, 5 December 2022.

³⁹ См.: Chamberlain P. The Napoleonic Prison of Norman Cross. The Lost Town of Huntingdonshire. Stroud, 2018.

в распоряжение армии передали девять больших помещений для военнопленных, некоторые из которых вмещали более 7 тыс. заключённых. Чтобы возместить нехватку мест в тюрьмах, Великобритания использовала недоброй памяти «понтонны» – старые и списанные военные корабли, переоборудованные под размещение пленных. В общей сложности их было 44. Они качались на волнах рядом с военными портами Плимута (9), Портсмута (15) и Чатема (20). Именно в этих плавучих тюрьмах была зарегистрирована самая высокая смертность, именно о них оставлены самые горькие воспоминания. Условия содержания пленных вряд ли были лучше, чем в Кадисе, за возможным исключением разве что более умеренных летних температур, которые, должно быть, было легче переносить. У нас много свидетельств о страданиях, выпавших на долю тех, кому пришлось жить на тюремных кораблях, самое знаменитое из которых принадлежит перу Луи Гарнере⁴⁰. Один французский офицер, лейтенант 45-го пехотного полка, позднее вспоминал:

«Трудно представить себе, сколь смертоносным было решение громоздить людей друг на друга в узком, тёмном и зловонном пространстве, где воздух, всегда спёртый и почти постоянно заражённый, разрушал их лёгкие и угрожал жизни в самом её источнике; где недостаток упражнений, плохая и скудная пища незаметно лишали физической энергии; и где горе, беспокойство, боль, ярость и отчаяние постоянно подтачивали ум и жгли душу»⁴¹.

И такая картина преобладает в рассказах французов о своём заточении в Англии.

Хотя тысячи военнопленных находились в плавучих тюрьмах, особенно в последние годы войны, большинство всё же жило на берегу. Условия содержания пленных различались очень сильно. Некоторые находились в одной из новых тюрем, построенных специально для этой цели в годы войны – например, в Стэплтоне близ Бристоля, или в Фортоне (Портсмут), или в Перте либо Вэллифилде в Шотландии, где условия жизни для пленных часто были лучше; других держали в переоборудованных под это обычных тюрьмах или армейских казармах, например, в Дартмуре или Портчестер-Касле. Эти тюрьмы были не так ужасны, как плаву-

⁴⁰ *Garneray L. The floating prison: the remarkable account of nine years' captivity on the British prison hulks during the Napoleonic Wars, 1806 -1814. L., 2003.*

⁴¹ *Masson P. Les sépulcres flottants : prisonniers français en Angleterre sous l'Empire. Rennes, 1987.*

чие, но и в них порой царили холод, скученность и антисанитария, а перспектива долгого заключения в спартанских условиях морозной зимой была не слишком привлекательной. А эти тюрьмы часто были переполнены. Смертность всегда оставалась высокой: в одном лишь Дартмуре за четыре года умерло более 1100 человек, по большей части от лихорадок и различных инфекций, или от болезней, вызванных холодом и повышенной влажностью. В Эск-Миллсе в Скоттиш-Бордерсе сотни военнопленных тесно жались друг к другу на верхнем этаже бывшей бумажной фабрики, чтобы сохранить тепло ночью, но это привело к тому, что однажды балки рухнули, и четырех человек задавили насмерть⁴². Другие умирали насильственной смертью. Кто-то покончил с собой, не будучи в силах терпеть существование за решёткой; других застрелили или закололи во время попыток к бегству⁴³. За пленными круглые сутки следили вооружённые охранники, солдаты и ополченцы, имевшие приказ открывать огонь в случае бунта, беспорядков или побега. Подобное положение толкало некоторых пленников на самые отчаянные шаги. Нашлись и такие, чья верность Наполеону подверглась серьёзному испытанию, когда им предложили шанс начать новую жизнь на английской службе: перспектива лучшего питания, удобного жилья и хорошей оплаты оказалась слишком соблазнительной, чтобы ей можно было противиться.

Большинство пленных не оказывали сопротивления, а просто отбыли свой срок в заточении до того момента, пока война не окончилась, и они смогли вернуться домой. Разумеется, многие жаловались на ограничения, накладываемые тюремной жизнью, на скуку, на изоляцию. Шотландский писатель Уильям Чемберс писал явно не без осуждения и горечи – чему, возможно, отчасти было причиной банкротство его отца в 1813 г., после того, как материя, которую он поставлял военнопленным в Пиблс, осталась неоплаченной – что «истинно возмутительным для любого чувства пристойности было зрелище многочисленных групп пленников, на протяжении долгих лет запертых, подобно диким зверям, в огороженных загонах, и их праздности, которая вела к <...> преступным действиям – например, подделке банкнот с целью развеять скуку их безотрадного заключения»⁴⁴. Изготовление

⁴² Macdougall I. Op. cit. P. 86-88.

⁴³ James T. Prisoners of War at Dartmoor: American and French Soldiers and Sailors in an English Prison during the Napoleonic Wars and the War of 1812. Jefferson, NC, 2013. Passim.

⁴⁴ Elliot W. The French in Selkirk, 1811-1814. Galashiels, 1982.

фальшивых денег действительно было в английских тюрьмах делом самым обыкновенным, причём не только среди иностранцев. Подделывание банкнот в то время каралось смертной казнью, и некоторые заключённые были тогда приговорены к повешению. Но Чемберс, с его кальвинистской добродетелью, несколько отдающей ханжеством, кажется, стремился представить слишком уж беспросветную картину тюремной жизни. Однако, если узникам удавалось сохранить здоровье и избежать эпидемий, опустошавших тюрьмы, их жизнь не была полностью лишена удовольствий и развлечений.

Чтобы бороться со скукой и чем-то занять долгие часы тюремного заточения, военнопленные занимались разнообразной ремесленной и художественной деятельностью. Они брались за скульптуру, графику и живопись; некоторые, особенно офицеры, посвящали своё время театральным постановкам, изучению языков и читательским кружкам⁴⁵. Отдельные пленники, в том числе известное число моряков, проявляли самый настоящий талант к изобразительному искусству, занимаясь резьбой по кости и создавая модели различных предметов, особенно кораблей, а ещё игрушки, игры и маленькие разукрашенные шкатулки; поощрялась продажа этих поделок, чтобы их создатели могли заработать денег и позволить себе какую-нибудь небольшую роскошь⁴⁶. В этих сделках не было ничего нелегального: к примеру, в тюремных дворах Дартмура и Норман-Кросса были организованы рынки, а в плавающих тюрьмах роль посредников между ремесленниками и потенциальными местными покупателями часто брали на себя охранники. Ведущие тюремные реформаторы той эпохи, такие как Джон Говард, считали, что эти рынки играют важнейшую роль в поддержании благосостояния узников, будучи при этом полезны и местному населению: пятый раздел Рыночных правил 1808 г. гласил, что предоставление рынка считалось способом «привязать тюремную экономику к местной свободной экономике». Заключённых поощряли продавать то, что они смастерят – но в списке дозволенного к продаже бывали и исключения, часто вставлявшиеся по требованию местных торговцев. Правила гласили «Каждому человеку да будет дозволено покупать у заключённых любой то-

⁴⁵ Rouanet D. Les grognards face à la captivité // Guerres et armées napoléoniennes : nouveaux regards / Éd. par H. Drévilion, B. Fonck, M. Roucaud. P., 2013. P. 261.

⁴⁶ Lloyd C. L. A History of Napoleonic and American Prisoners of War, 1756-1816. Woodbridge, Suffolk, 2007. P. 290.

вар, изготовленный ими, за исключением шерстяных варежек или перчаток; соломенных шляп, мужских и дамских, и кепи; непристойных картинок, изображений или игрушек; а также предметов, изготовленных из тюремных запасов, что строго воспрещено»⁴⁷.

Военнопленные делали всё возможное, чтобы как-либо воссоздать сообщество во французском стиле. Они боялись почувствовать себя одинокими, и, стало быть, брошенными, и искали товарищеских отношений везде, где могли их найти. Многие солдаты и особенно многие офицеры нашли утешение в масонстве, пережившем возрождение в годы, последовавшие за Амьенским мирным договором. «Это было оазисом спокойствия для людей, ведущих беспокойную жизнь, – пишет Андре Корвизье, – оно помогало делать карьеру, а также, при случае, могло спасти жизнь, достаточно было только подать условный знак на поле боя»⁴⁸. Кроме того, для военнопленных масонство служило визитной карточкой в те моменты, когда другие братья приходили разделить их плен, и следует отметить, насколько важны были для пленных французов масонские традиции. Масонские ложи создавались везде, где только были пленные – в Гибралтаре и Виттории, на Кабрере и на Мальте, а также во многих центрах заключения военнопленных в самой Англии. В 1900 г. Джон Торп перечислил 26 масонских лож и капитулов, созданных французскими военнопленными в Англии со времён Семилетней войны и до Наполеоновских войн⁴⁹. Создавались масонские ложи и в плавающих тюрьмах на Мидуэе и в портах Ла-Манша: к примеру, из двадцати тюремных кораблей, стоявших на рейде Чатема, французские ложи были на четырёх. Эти ложи создавались с явного согласия властей, особенно в Англии: в английской армии существовали сильные масонские традиции, и достаточно было одного знака, чтобы отношения с противником немедленно улучшились. И неважно, где оказывались французы – были ли они затеряны в дартмурских туманах или томились на тюремных кораблях на рейде Плимута – они могли искать утешения в масонском братстве и в обществе друзей.

Популярной культурной деятельностью в английских тюрьмах для военнопленных были пьесы, которые ставили и исполняли са-

⁴⁷ *Morieux R.* The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century. Cambridge, 2019. P. 344.

⁴⁸ *Corvisier A.* Préface. // Quoy-Bodin J.-L. L'armée et la franc-maçonnerie, au déclin de la monarchie, sous la Révolution et l'Empire. P., 1987.

⁴⁹ *Thorp J. T.* French Prisoners' Lodges. A brief account of twenty-six Lodges and Chapters of Freemasons, established and conducted by French Prisoners of War in England and elsewhere, between 1756 and 1814. Leicester, 1900.

ми заключённые. К примеру, французские узники Портчестера по согласованию с тюремной администрацией сами, на собственные деньги, создали театр, который они спланировали и украсили, как в 1811 г. сообщала *Hampshire Chronicle*, «в стиле, далеко превосходящем всё, чего только можно было ожидать. Пантомимы, которые они представили, не хуже тех, что исполняют в Лондоне»⁵⁰. В самом деле, объясняет Кэтрин Эшбери, спектакли были выполнены на высоком профессиональном уровне, с великолепными костюмами и сложными сценическими эффектами, и зрители, состоявшие из французских военнопленных и представителей английской публики, могли смотреть классические французские пьесы Мольера и Вольтера, а также новейшие варьете с парижских бульваров⁵¹. Эти спектакли стали для заключённых ещё одним способом наладить связь с местными жителями и уменьшить чувство изоляции, вызванное десятью годами плена.

Как и в предыдущие войны, тяготы тюремного заключения выпали обычным солдатам – тем, у кого не было офицерского патента, в то время как их командиры находились на привилегированном положении: под честное слово их отпускали жить вне тюремных стен. Условия освобождения из-под стражи нельзя назвать тяжёлыми. Военнопленный должен был поклясться своей честью, что не попытается бежать и не выйдет за пределы предписанной ему территории – как правило, он имел право «отходить по главной дороге на расстояние не более мили от границ города» – а также соблюдать британские законы, пока он находится на территории страны. Что особенно важно, он давал слово, что не будет «во время своего пребывания в Великобритании ни прямо, ни косвенно поддерживать переписку с кем-либо из врагов Его величества, ни получать, ни писать письмо или письма иначе чем посредством вышеназванных комиссаров по делам военнопленных, чтобы они могли прочесть и одобрить их»⁵². Менее 10% пленных пользовались этой привилегией: армейские и флотские офицеры Франции и её союзников, офицеры самого высокого ранга, захва-

⁵⁰ Review in the Hampshire Telegraph and Chronicle, January 1811. Цит. в: The French prisoners' theatre at Portchester Castle. English Heritage website. URL: <https://www.english-heritage.org.uk/visit/places/portchester-castle/history-and-stories/the-french-prisoners-theatre-at-portchester-castle> (дата обращения: 7 мая 2023 г.).

⁵¹ Astbury K. «Whole Shew and Spectacle»: French Prisoner-of-War Theatre in England during the Napoleonic Era / Journal of War & Culture Studies. 2021. N 14:2. P. 194-210.

⁵² Regulations which all prisoners of war are bound to observe. Signed by Joseph Clark, an American prisoner-of-war in Ashburton (Derbyshire). 31 March 1813.

ченные на торговых или каперских судах, а также те гражданские лица, которых сочли возможным отпустить под честное слово. Они находились более чем в девяноста разных местах, как правило, в небольших и средних городах на некотором расстоянии от важнейших центров – таких, как, к примеру, Андовер в Гэмпшире, Уантидж в Оксфордшире, Тависток в Девоне⁵³. В этих городах они жили в обществе, ходили в кафе, снимали жильё у штатских, и их ограничивал только комендантский час, а также запрет на передвижение за границы города. Некоторые сумели интегрироваться в местное общество и в полной мере наслаждаться общением, порой даже изысканным. В Селкерке, на юге Шотландии, офицеры ужинали в местных семьях и могли быть подписчиками местной библиотеки, покупавшей для них книги на французском языке: за период с 1811 по 1814 г. они около 4000 раз брали в библиотеке книги, проявляя бóльшую активность, чем местные подписчики⁵⁴. В соседнем Пиблсе одни французские офицеры организовывали балы и театральные представления, а другие давали уроки французского, математики, черчения и фехтования⁵⁵.

Одним из городов, предназначенных принять французских военнопленных, отпущенных под честное слово, стал Честерфилд в Дербишире, куда в период между 1810 и 1814 гг. было отправлено около 400 офицеров. Их жизнь в Честерфилде была совершенно типичной, и чаще всего они жаловались на то, что они мало чем могут заняться. Но условия их содержания были сравнительно гуманными. Их хорошо приняли городские жители, и они вскоре стали обычной публикой в городе. Армейские офицеры могли при желании жить с жёнами, а многие из тех, кто был холост, завязали отношения с местными женщинами, а некоторые и вступили с ними в брак; впоследствии часть французов осталась в Англии и после заключения мира. Другие могли надеяться быть принятыми в местном обществе: к примеру, сэр Уиндзор Ханлок, владелец особняка в Честерфилде, приглашал пленных католиков в свой дом и частную часовню. Такие пленники редко сталкивались с бедностью или лишениями. Они получали в день десять шиллин-

⁵³ *James T.* Prisoners of war in Dartmoor towns: French and American officers on parole, 1803-1815. Chudleigh, 2000.

⁵⁴ *Towsey M.* Imprisoned Reading: French Prisoners of War at the Selkirk Subscription Library, 1811-1814 // *Civilians and War in Europe, 1618-1815* / Ed. by E. Charters, E. Rosenhaft, H. Smith. Liverpool, 2012. P. 249-250.

⁵⁵ *Bernard L.* Les prisonniers de guerre du Premier Empire. P., 2000. P. 184.

гов содержания, если имели чин капитана или более высокий, и семь шиллингов, если были в меньших чинах. Это содержание помогало им оплатить жильё для себя и, возможно, для слуги, если он у них был. Кроме того, если им нужно было увеличить свой доход, им позволялось мастерить вещи на продажу или учить жителей Честерфилда иностранным языкам, черчению и музыке. Для этих людей нахождение в плену могло стать сравнительно комфортным – привилегия, которую делали возможной их статус и их социальная принадлежность. Но не было гарантий, что они этим довольствуются. Их стремление к свободе оставалось сильным, и из четырёхсот пленных около шестидесяти пыталось бежать. Некоторые сумели пересечь Ла-Манш и вернуться во Францию⁵⁶.

Перевел с английского языка А. Ю. Терещенко

REFERENCES

- Aguilera-Mellado P.* The Goyesque Gaze: Image, Violence, Dignity-Potency // *Hispanic Research Journal*. 2019. N 20:5. P. 491-514.
- Anderson M.* War and Society in Europe of the Old Regime, 1618-1789. Leicester, 1988.
- Asch R. G.* «Wo der soldat hinkommt, da ist alles sein»: Military violence and atrocities in the Thirty Years War re-examined // *German History*. 2000. N 18:3. P. 291-309.
- Astbury K.* «Whole Shew and Spectacle»: French Prisoner-of-War Theatre in England during the Napoleonic Era // *Journal of War & Culture Studies*. 2021. N 14:2. P. 194-210.
- Bernard L.* Les prisonniers de guerre du Premier Empire. Paris, 2000.
- Best G.* Humanity in warfare: the modern history of the international law of armed conflicts. London, 1980.
- Best G.* Nuremberg and After: the continuing history of war crimes and crimes against humanity: The Stenton Lecture, 1983. Reading, 1984.
- Boudon J.-O.* Postface // *Smith D.* Les soldats oubliés de Napoléon, 1809-1814. Prisonniers sur l'île de Cabrera. Paris, 2005.
- Breton A.-D. H.* Lettres de ma captivité en Russie // *Combats et captivité en Russie. Mémoires et lettres de soldats français*. Paris, 1999.
- Brown G. D.* Prisoner of war parole: ancient concept, modern utility // *Military Law Review*. 1998. N 156.

⁵⁶ *Burton D.* Napoleonic Prisoners of War in Chesterfield // *Derbyshire Record Office Blog*, 19 July 2022. URL: <https://recordoffice.wordpress.com/2022/07/19/napoleonic-prisoners-of-war-in-chesterfield> (дата обращения: 7 мая 2023 г.)

- Burrows E.* Forgotten Patriots: The Untold Story of American Prisoners During the Revolutionary War. New York, 2008.
- Burton D.* Napoleonic Prisoners of War in Chesterfield // Derbyshire Record Office Blog, 19 July 2022. URL: <https://recordoffice.wordpress.com/2022/07/19/napoleonic-prisoners-of-war-in-chesterfield> (дата обращения: 7 мая 2023 г.).
- Cartel for the exchange of prisoners of war between Great Britain and the United States of America // Documents on Prisoners of War / Ed. by H. S. Levie // International Law Studies. 1979. Vol. 60.
- Chamberlain P.* The Napoleonic Prison of Norman Cross. The Lost Town of Huntingdonshire. Stroud, 2018.
- Childs J.* Surrender and the Laws of War in Western Europe, c. 1660-1783 // How Fighting Ends. / Ed. by H. Afflerbach, H. Strachan. Oxford, 2012.
- Colson B.* Napoleon on War. Oxford, 2015.
- Corvisier A.* Préface // Quoy-Bodin J.-L. L'armée et la franc-maçonnerie, au déclin de la monarchie, sous la Révolution et l'Empire. Paris, 1987.
- Daly G.* Napoleon's Lost Legions: French Prisoners of War in Britain, 1803–1814 // History 2004.
- Duché E.* L'otium des captifs d'honneur britanniques à Verdun sous le Premier Empire, 1803-1814 // Arrachés et déplacés. Réfugiés politiques, prisonniers de guerre, déportés, 1789-1918 / Éd. par N. Beaupré, K. Rance. Clermont-Ferrand, 2016.
- Duché E.* Prisoners of war // The Cambridge History of the Napoleonic Wars / Ed. by A. Forrest, P. Hicks. Vol. 3: Experience, Culture and Memory. Cambridge, 2022.
- Dwyer P.* «It still makes me shudder»: Memories of Massacres and Atrocities during the Revolutionary and Napoleonic Wars // War in History. 2009. N 16:4.
- Dzurec D.* Prisoners of War and American Self-image during the American Revolution // War in History. 2013. N 20.
- Elliot W.* The French in Selkirk, 1811-1814. Galashiels: Ettrick and Lauderdale District Council Museum Service, 1982.
- Espinosa P.* The horrors of Cádiz's floating jails // El País, 31 July 2014.
- Forrest A.* Prisonniers de guerre et récits de captivité dans les guerres napoléoniennes // Arrachés et déplacés. Réfugiés politiques, prisonniers de guerre, déportés, 1789-1918 / Éd. par N. Beaupré, K. Rance. Clermont-Ferrand, 2016.
- Garneray L.* The floating prison: the remarkable account of nine years' captivity on the British prison hulks during the Napoleonic Wars, 1806-1814. London, 2003.
- Gille P.* Les Prisonniers de Cabrera. Mémoires d'un conscrit de 1808, recueillis et publiés par Philippe Gille. Paris, 1892.

- Hampson N.* The Perfidy of Albion. Basingstoke, 1998.
- International law concerning the conduct of hostilities: Collection of Hague conventions and some other treaties. Geneva, 1989.
- James T.* Prisoners of War at Dartmoor: American and French Soldiers and Sailors in an English Prison during the Napoleonic Wars and the War of 1812. Jefferson, NC, 2013.
- James T.* Prisoners of war in Dartmoor towns: French and American officers on parole, 1803-1815. Chudleigh, 2000.
- Knight R.* Convoys. The British Struggle against Napoleonic Europe and America. New Haven, 2022.
- Lafon J.-M.* L'Andalousie et Napoléon. Contre-insurrection, collaboration et résistances dans le midi de l'Espagne, 1808-1812. Paris, 2007.
- Levie H. S.* Terrorism in War: The Law of War Crimes. New York, 1993.
- Lloyd C. L.* A History of Napoleonic and American Prisoners of War, 1756-1816. Woodbridge, Suffolk, 2007.
- Lynn J. A.* Honourable surrender in early modern European history, 1500-1789. // How Fighting Ends. A History of Surrender / Ed. by H. Afflerbach, H. Strachan. Oxford, 2012.
- Macdougall I.* All Men are Brethren: Prisoners-of-war in Scotland, 1803-14. Edinburgh, 2008.
- Mackenzie S. P.* The Treatment of Prisoners of War in World War II // Journal of Modern History. 1994. N 66:3.
- Masson P.* Les sépulcres flottants : prisonniers français en Angleterre sous l'Empire. Rennes, 1987.
- Mikaberidze A.* Napoleon's Lost Legions: The Grande Armée prisoners of war in Russia // Napoleonica. La revue. 2014. N 21:3. P. 35–44.
- Morieux R.* The Society of Prisoners. Anglo-French Wars and Incarceration in the Eighteenth Century. Cambridge, 2019.
- Pickenpaugh R.* Captives in Blue. The Civil War Prisons of the Confederacy. Tuscaloosa, 2013.
- Prestwich M.* Armies and Warfare in the Middle Ages. The English Experience. New Haven, 1996.
- Regulations which all prisoners of war are bound to observe. Signed by Joseph Clark, an American prisoner-of-war in Ashburton (Derbyshire). 31 March 1813.
- Ribbe C.* Le crime de Napoléon. Paris, 2013.
- Roberts A.* Foundation myths in the Laws of War: The 1863 Lieber Code and the 1864 Geneva Convention // Melbourne Journal of International Law. 2019. N 20:1. P. 158-196.

Rouanet D. Captivités en Russie: regards comparés // 1812 : la campagne de Russie / Ed. par M.-P. Rey, T. Lentz. Paris, 2012.

Rouanet D. Les grognards face à la captivité // Guerres et armées napoléoniennes : nouveaux regards / Éd. par H. Drévilion, B. Fonck, M. Roucaud. Paris, 2013.

Sharrock D. Cavern reveals the inhuman fate of Napoleon's defeated troops // The Times, 5 December 2022.

Thorp J. T. French Prisoners' Lodges. A brief account of twenty-six Lodges and Chapters of Freemasons, established and conducted by French Prisoners of War in England and elsewhere, between 1756 and 1814. Leicester, 1900.

Towsey M. Imprisoned Reading: French Prisoners of War at the Selkirk Subscription Library, 1811-1814 // Civilians and War in Europe, 1618-1815 / Ed. by E. Charters, E. Rosenhaft, H. Smith. Liverpool, 2012.

Форрест Алан

доктор наук, почетный профессор
Университет Йорка,
YO10 5DD Йорк, Великобритания
e-mail: alan.forrest@york.ac.uk

Alan Forrest

Dr. Hab. (History), Emeritus Professor
University of York
York, YO10 5DD United Kingdom
e-mail: alan.forrest@york.ac.uk
ORCID: 0000-0002-2432-2819
Scopus AuthorID: 39764577700